

ПРОСТРАНСТВО КАК КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО

Дэвид Харви¹

Если бы сегодня Раймонд Уильямс работал над текстом своих знаменитых *Ключевых слов*, он непременно включил бы в него статью о «пространстве». По всей видимости, он включил бы это слово в короткий список понятий, в котором содержатся такие понятия, как «культура» или «природа», относящиеся к «наиболее сложным словам нашего языка» (Williams 1976). Но как нам прояснить спектр значений, связанных со словом «пространство», и при этом не потеряться в лабиринте (который сам по себе является интересной пространственной метафорой) сложностей?

«Пространство» часто обнаруживает модификации. Сложности иногда возникают скорее ввиду модификаций слова (которые слишком часто опускаются в устной или письменной речи), нежели какой-либо внутренней сложности самой идеи пространства. Когда, например, мы пишем о «материальном», «метафорическом», «пороговом» (*liminal*), «личностном», «социальном» или «физическом» пространстве (возьмём лишь несколько примеров), мы указываем на многообразии контекстов, которые настолько влияют на содержание, что понимание значения слова «пространство» зависит от соответствующего контекста. Подобным же образом, когда мы конструируем словосочетания – такие как пространство страха, игры, космологии, грёз, гнева, элементарных частиц, капитала, геополитической напряжённости, надежды, памяти или экологического взаимодействия (опять-таки, дабы упомянуть лишь некоторые из кажущегося бесконечным количества способов использования этого термина), – область применения этих конструкций подразумевает нечто настолько особенное, что формулировка общей дефиниции пространства оказывается невыполнимой задачей. Несмотря на это, я намереваюсь проигнорировать эти сложности и попытаться прояснить всеобщее значение этого термина. Тем самым я надеюсь рассеять туман недопонимания, который, как кажется, опутывает использование этого слова.

Однако отправная точка нашего исследования не невинна, поскольку с неизбежностью очерчивает особую перспективу, которая выдвигает на передний план некоторые вопросы,

¹ Дэвид Харви (Harvey) – Ph. D. (Cambridge, 1962), почётный профессор географии и антропологии, директор *Center for Place, Culture and Politics* в департаменте аспирантуры Городского университета Нью-Йорка (*City University of New York – CUNY*) (Нью-Йорк, США).

оставляя другие в тени. Конечно, обычно известное преимущество признаётся за философской рефлексией, так как философия стремится возвыситься над разнообразными и отличающимися друг от друга полями человеческой практики и частичных знаний, дабы наделить категории, к которым мы можем апеллировать, конкретными значениями. Но у меня сформировалось устойчивое впечатление, что между философами имеется слишком много разногласий и путаницы касательно значения слова «пространство», чтобы рассматривать философские концепции пространства в качестве беспроблемной отправной точки. К тому же, поскольку я не обладаю достаточной компетентностью, чтобы рассуждать о понятии пространства в рамках философской традиции, наилучшим отправным пунктом было бы то, с чем я знаком лучше всего. Поэтому я начну с позиции географа – не потому, что точка зрения географа является привилегированной и так или иначе обладает исключительным правом на использование пространственных понятий (на чём, как кажется, настаивают некоторые географы), но потому, что мне довелось работать по большей части именно в этой области. Это та арена, на которой я столкнулся со сложностью понятия «пространства» самым непосредственным образом. Разумеется, я часто опирался на работу других, проводивших исследования в различных отраслях академического и интеллектуального разделения труда, равно как и на работы многих географов (слишком многих, чтобы упомянуть всех в столь коротком эссе), которые – каждый по-своему – активно занимались исследованием этих проблем. Здесь я не претендую на то, чтобы осуществить синтез всей этой работы. Я предлагаю всего лишь личный отчёт о том, как сформировались (или не сформировались) мои собственные взгляды, когда я искал значения, которые в максимальной степени были бы эффективны в контексте занимавших меня теоретических и практических вопросов.

Я начал размышлять над этой проблемой много лет назад. В работе *Социальная справедливость и город (The Social Justice and the City)*, опубликованной в 1973 году, я отстаивал тезис о центральном значении рефлексий о природе пространства, коль скоро нам необходимо понять урбанистические процессы в условиях капитализма. Опираясь на идеи, которые были собраны мной во время изучения философии науки и частично проанализированы в *Объяснении в географии (Explanation in Geography)*, я обнаружил три способа понимания пространства.

«Если мы рассматриваем пространство в качестве абсолюта, то оно становится “вещью в себе”, обладающей существованием, независимым от содержания. Это пространство обладает структурой, которую мы можем применять к изолированным или индивидуализированным феноменам. Идея релятивного пространства предполагает, что оно может быть понято как отношение между объектами, существующее лишь до тех пор, пока существуют и находятся в отношении

друг с другом сами объекты. Существует и другой смысл, в каком пространство может быть рассмотрено как относительное. Я решил назвать такое пространство реляционным. Это пространство понимается в духе Лейбница – как содержащееся в объектах в том смысле, что об объекте можно сказать, что он существует, лишь поскольку он содержит и репрезентирует в себе самом отношения к другим объектам» (Harvey 1973).

Я думаю, что различение этих трёх способов вполне достойно того, чтобы его сохранить. Поэтому позвольте мне начать с краткого пояснения импликаций каждого из этих типов пространства.

Абсолютное пространство фиксировано, и мы регистрируем или планируем события в его рамках. Это пространство Ньютона и Декарта. Обычно оно представляется как заранее существующая и неподвижная сетка (*grid*), поддающаяся стандартизированному измерению и доступная для исчислений. В терминах геометрии, это Евклидово пространство и поэтому – пространство разного рода кадастрового (*cadastral*) картографирования и инженерных практик. Это изначальное пространство индивидуации, то есть пространство *res extensa*, в терминологии Декарта. И оно применимо ко всем дискретным и ограниченным феноменам, включая нас с вами как конкретных личностей. В социальном отношении речь идёт о пространстве частной собственности и других территориальных обозначений (таких как государства, административные единицы, планы города (*city plans*) и городские сетки (*urban grids*)). Когда декартовский инженер смотрел на мир с чувством превосходства, это был мир абсолютного пространства (и времени), из которого в принципе могут быть изгнаны все недостоверности и неясности и в котором человеческие вычисления способны достичь безграничного размаха.

Идея релятивного пространства в основном ассоциируется с именем Эйнштейна и неевклидовыми геометриями, которые наиболее систематическим образом начали разрабатываться в XIX веке. Пространство релятивно в двух смыслах: *во-первых*, существует множество геометрий, из которых нам приходится выбирать, и, *во-вторых*, пространственная рамка принципиально зависит от того, что и кем релятивизируется. Когда Гаусс впервые установил правила неевклидовой сферической геометрии, дабы разрешить проблемы точного наблюдения искривлённой земной поверхности, он также подтвердил тезис Эйлера, согласно которому идеально масштабированная карта любой части поверхности Земли невозможна. В дальнейшем Эйнштейн использовал этот аргумент для указания на то, что все способы измерения зависят от точки зрения (*the frame of reference*) наблюдателя. Он учит нас, что в физической вселенной необходимо отбросить идею одновременности. При такой формулировке невозможно понять пространство независимо от времени, и это обстоятельство находит своё выражение и на уровне понятий: от пространства и времени мы

переходим к пространству-времени или пространственно-временности (*spatio-temporality*). Конечно же, это было достижением Эйнштейна: предоставить точные средства для исследования таких феноменов, как искривление пространства, исследуя темпоральные процессы, происходящие со скоростью света (*operating at the speed of light*) (Osserman 1995). Но в схеме Эйнштейна время остаётся фиксированным, тогда как пространство гнётся в соответствии с некоторыми наблюдаемыми правилами (подобно тому как Гаусс изобрёл сферическую геометрию в качестве точного средства для рассмотрения искривлённой земной поверхности посредством триангуляции).

На более приземлённом уровне географических исследований мы знаем, что пространство транспортных отношений (*transportation relations*) кажется отличным и отличается от пространства частной собственности. Уникальность местоположения и индивидуация, очерченные ограниченными территориями в абсолютном пространстве, открывают дорогу для множества местоположений, равноудалённых от, скажем так, некоторого центрального местоположения в городе (*some central city location*). Мы можем создать различные карты релятивных местоположений посредством различия расстояний, измеренных в терминах стоимости, времени, способа передвижения (автомобиль, велосипед или скейтборд), и даже разорвать пространственные непрерывности, ориентируясь на коммунальные сети (*networks*), топологические отношения (оптимальный маршрут для доставки почты) и т. п. Мы знаем, что, принимая во внимание дифференциальные рассогласования (*differential frictions*) встречаемых на земной поверхности дистанций, знаменитая прямая не обязательно будет кратчайшим расстоянием (измеряемым в терминах времени, стоимости, затраченной энергии) между двумя точками. К тому же ключевую роль здесь играет точка зрения наблюдателя. Взгляд на мир типичного нью-йоркца, как его изображает знаменитая карикатура Стейнберга (Steinberg), быстро теряет какой-либо смысл, стоит нам только взглянуть на территории, расположенные западнее Гудзона или восточнее Лонг-Айленда.

Важно отметить, что все эти релятивизации необязательно сокращают или ликвидируют нашу способность измерения или контроля, но они указывают на то, что для некоторых из рассматриваемых нами феноменов и процессов требуются специальные правила и законы. Однако трудности возникают, как только мы пытаемся объединить трактовки пространства, проистекающие из различных областей. Например, пространственно-временность, необходимая для точной репрезентации потоков энергии, проходящих через экологические системы, скорее всего окажется несовместимой с пространственно-временностью финансовых потоков, проходящих через глобальные рынки. Понимание пространственно-временных ритмов накопления капитала нуждается в системе координат, существенно отличающейся от системы ко-

ординат, необходимой для понимания глобальных изменений климата. Эти рассогласования, в которых крайне тяжело разобраться, необязательно представляют собой недостаток при условии, что мы и их принимаем именно за то, чем они являются. Сопоставление различных пространственно-временных каркасов (*frameworks*) способно прояснить нам проблемы политического выбора (например, поддерживаем мы пространственно-временность финансовых потоков или же экологических систем, которые этими потоками подрываются?).

Реляционное понятие пространства чаще всего ассоциируется с именем Лейбница, который в знаменитой серии писем к Кларку (Clarke) (эффективно игравшего роль заместителя Ньютона) громко и опротестовывает абсолютный взгляд на пространство и время, столь центральный в теории Ньютона.² Его первоначальное возражение было теологическим. Согласно Ньютону, Бог скорее находился в абсолютном времени и пространстве, нежели управляя пространственно-временностью. В расширительном смысле, реляционный взгляд на пространство предполагает, что такие вещи, как пространство или время, не существуют вне процессов, которые их определяют. (Если Господь создаёт мир, то он также решает – выбирая из многих возможностей – создать пространство и время определённого типа.) Процессы не происходят в пространстве, а задают свою собственную пространственную рамку. Понятие пространства встроено в процесс или внутренне ему присуще. Сама эта формулировка предполагает, что, как и в случае с релятивным пространством, невозможно отделить пространство от времени. Поэтому мы должны фокусироваться скорее на реляционности пространства-времени, нежели на реляционности изолированного пространства. Реляционное представление пространства-времени включает в себе идею внутренних отношений; со временем внешние влияния интернализируются в специфические процессы или вещи (подобно тому как моё сознание поглощает все виды внешней информации и стимулов, чтобы произвести странные образцы мышления, включая сны, фантазии, равно как и попытки рациональных расчётов). Событие или вещь в некоторой точке пространства не могут быть поняты посредством апелляции к тому, что существует лишь в этой точке пространства. Они зависят от всего того, что ещё происходит вокруг пространства (подобно тому как те, кто входит в комнату с целью дискуссии, привносят с собой разнообразный опыт, который они аккумулировали по всему миру). Широкий спектр разнообразных влияний, окутывающих пространство в прошлом, настоящем и будущем, концентрируется и застывает в определённой точке (например, в конференц-зале), чтобы определить природу этой точки. Идентичность, в рамках этого аргумента, подразумевает нечто совершенно отличное от того, что мы понимаем под ней из перспективы абсолютного про-

² Я писал об этом в: Harvey (1996), в частности в гл. 10.

странства. В итоге, мы получаем расширенную версию лейбницевского понятия монады.

Чем дальше мы продвигаемся по направлению к миру реляционного пространства-времени, тем более проблематичным становится измерение. Но на чём основывается допущение, согласно которому реляционное пространство существует, только если оно измеримо и квантифицируемо неким традиционным способом? Это ведёт к некоторым интересным размышлениям о неудаче (быть может, лучше говорить об ограниченности) позитивизма и эмпиризма при попытке разработать адекватное понимание пространственно-временных понятий помимо тех, которые допускают измерение. Некоторым образом реляционные концепции пространства-времени приводят нас к той точке, в которой сходятся, если не сливаются, математика, поэзия и музыка. И с научной точки зрения (которая противоположна эстетической) эти концепции ненавистны тем, кто склонен к позитивизму и примитивному материализму. Кантианский компромисс, признающий пространство реальным, но доступным лишь интуиции, пытается в этой точке возвести мост между Ньютоном и Лейбницем посредством инкорпорирования понятия пространства в теорию эстетического суждения. Однако то обстоятельство, что Лейбниц становится вновь популярным и значимым не только как гуру кибер-пространства, но и как фундаментальный мыслитель в плане более диалектических подходов к проблеме взаимосвязи сознания и мозга и формулировкам теории квантов, сигнализирует о наличии своего рода стремления выйти за пределы абсолютных и релятивных понятий и их более доступных измерению качеств, равно как и за пределы кантианского компромисса. Но реляционная территория – это крайне привлекательная и крайне сложная для работы территория. Существует множество мыслителей, которые на протяжении многих лет вкладывали свои таланты в размышления о перспективах реляционного мышления. Альфред Норт Уайтхед воодушевлялся необходимостью реляционного взгляда и сделал многое для его продвижения³. Делёз также много размышлял об этих идеях в своих рефлексиях как о Лейбнице (вместе с рефлексиями о барочной архитектуре и математике складки в работах Лейбница), так и о Спинозе.

Но почему – и как – я, будучи географом, нахожу полезным реляционный подход к пространству-времени? Ответ достаточно прост, поскольку существуют определённые темы, как, например, политическая роль коллективной памяти в урбанистических процессах, которые могут быть доступны только таким образом. Я не могу поместить политическую и коллективную память в некое абсолютное пространство (однозначно расположить на какой-либо сетке или карте), как и не могу понять их циркуляцию согласно правилам пространства-времени, которые, однако, достаточно

³ Fitzgerald (1979); я пытался примириться с точкой зрения Уайтхеда в: Harvey (1996).

сложны. Если я спрашиваю, что значит площадь Тяньаньмэнь или Граунд Зеро (Ground Zero), то единственная возможность найти ответ скрывается в реляционных терминах. Это проблема, с которой я столкнулся, когда писал о базилике Сакре-Кёр в Париже (Harvey 1979). И, как я кратко представляю ниже, невозможно понять марксистскую политическую экономию вне реляционной перспективы.

Итак, является ли пространство (пространство-время) абсолютным, релятивным или реляционным? Я не знаю, существует ли онтологический ответ на этот вопрос. В своей работе я использую все три определения пространства. Таков вывод, к которому я пришёл тридцать лет назад, и за прошедшее с тех пор время я не обнаружил особой причины (я также не услышал какого-либо стоящего аргумента в пользу этого), чтобы заставить себя изменить своё мнение. Вот что я писал:

«Пространство не является ни абсолютным, ни релятивным, ни реляционным само по себе, но оно может стать одним из них или тремя сразу в зависимости от обстоятельств. Проблема верной концептуализации пространства разрешается человеческой практикой, посредством обращения к ней. Другими словами, не существует философских ответов на философские вопросы, возникающие вокруг проблемы пространства. Ответы лежат в поле человеческих практик. Поэтому вопрос о том, что такое пространство, заменён вопросом: каким образом различные человеческие практики создают и используют различные концептуализации пространства? Например, отношения собственности создают абсолютные пространства, в рамках которых может осуществляться контроль монополий. Движение людей, товаров, услуг и информации происходит в релятивном пространстве, потому что оно требует денег, времени, энергии и т. п., чтобы преодолеть рассогласования (*friction*) дистанции. Части страны также получают выгоду, поскольку они заключают в себе отношения с другими частями... ...В форме ренты реляционное пространство обретает своё значение важного аспекта человеческой социальной практики» (Harvey 1979, p. 13).

Существуют ли правила для принятия решения, где и когда одна пространственная рамка (*spatial frame*) оказывается предпочтительнее другой? Или же выбор осуществляется произвольно, на основании капризов человеческой практики? Решение использовать ту или иную концепцию, несомненно, зависит от природы исследуемого феномена. Так, например, концепция абсолютного пространства может оказаться наиболее адекватной в вопросах пределов собственности и определения границ, но она ни на йоту не помогает мне продвинуться в вопросе, что такое площадь Тяньаньмэнь, Граунд Зеро и базилика Сакре-Кёр. Поэтому я нахожу полезным – но только в качестве внутренней проверки – набросать обоснования для выбора абсолютной, релятивной или реля-

ционной системы координат. Кроме того, я часто замечаю, что в своих практиках я допускаю существование некой иерархии между ними в том смысле, что реляционное пространство может включать в себя релятивное и абсолютное, релятивное может включать в себя абсолютное, но абсолютное пространство остаётся лишь абсолютным пространством. Но я не стал бы самоуверенно продвигать эту точку зрения в качестве рабочего принципа, не говоря уже о том, чтобы отстаивать её теоретически. Я нахожу куда более интересным оставить эти три понятия в теоретическом напряжении по отношению друг к другу и мыслить постоянно сквозь призму взаимоотношения между ними. Граунд Зеро (нулевой уровень) является абсолютным пространством в то самое время, когда он релятивен и реляционен в пространстве-времени.

Позвольте мне проиллюстрировать эту идею на примере. Я разговариваю в комнате. Радиус слышимости моих слов ограничен абсолютным пространством, заданным конкретными стенами, и абсолютным временем разговора. Чтобы меня услышать, люди должны находиться внутри данного абсолютного пространства в данное абсолютное время. Те люди, которые находятся за пределами этих стен, исключаются из числа моих слушателей, как и те, которые придут позже и вряд ли смогут меня услышать. Те, которые находятся внутри, могут быть идентифицированы как индивидуальности – как индивидуализированные – согласно абсолютному пространству, например согласно занимаемому ими месту в течение отведённого времени. Но я также нахожусь и в релятивном пространстве по отношению к аудитории. Я нахожусь здесь, а слушатели – там. Я пытаюсь общаться сквозь пространство посредством медиума – атмосферы, которая по-разному преломляет мои слова. Я говорю тихо, и ясность моих слов убывает по мере увеличения дистанции: люди на задних рядах не могут расслышать моих слов. Если бы существовал видео-мост (*video-feed*) с Абердином, то я мог бы быть услышан там, но не на последних рядах. В релятивном пространстве-времени мои слова воспринимаются по-разному. Индивидуация становится ещё более проблематичной, если в пространстве-времени присутствует много людей, имеющих одно и то же релятивное местоположение. Все люди в четвёртом ряду равноудалены от меня. Дисконтинуальность в пространстве-времени возникает между теми, кто может слышать, и теми, кто не слышит. Анализ того, что происходит в абсолютном пространстве и времени разговора, происходящего в комнате, выглядит совершенно иначе, если рассматривать его сквозь призму релятивного времени-пространства. Но в данной ситуации присутствует и реляционный компонент. Каждый представитель публики привносит в абсолютное пространство и время разговора различные виды идей и опытов, собранных в пространстве-времени их жизненных траекторий, и всё это также присутствует в комнате: он не может перестать думать о дискуссии, произошедшей за завтраком; она не может вычеркнуть из памяти ужасные образы смерти и разру-

шения, виденные ею в вечерних новостях. Что-то в моей манере говорить напоминает кому-то травматическое происшествие из далёкого прошлого, а мои слова – политические митинги, которые некто часто посещал в 1970-х гг. Мои слова выражают некоторую ярость, направленную на то, что происходит в мире. Я нахожу себя думающим, в то время как говорю, что всё, что мы делаем в этой аудитории, глупо и тривиально. В комнате возникает напряжение. Почему мы не на улицах, почему не свергаем правительство? Я выпутываюсь из всех этих реляциональностей, отступаю назад в абсолютное и релятивное пространства комнаты и пытаюсь затронуть тему пространства как ключевого слова в сухой и технической манере. Напряжение рассеивается, кто-то в переднем ряду начинает клевать носом. Я знаю, где каждый из присутствующих находится в абсолютном времени и пространстве. Но у меня нет идей насчёт того, где во время беседы находятся «мысли людей». У меня может быть чувство, что некоторые слушатели находятся со мной, а некоторые нет, но я никогда не знаю этого наверняка. Однако это, безусловно, самая важная составляющая всего происходящего. В конце концов, это то поле, в котором располагаются подвижные политические субъективности. Реляциональность очень трудно – если вообще возможно – зафиксировать, но, тем не менее, она жизненно необходима для всего этого.

Я хотел бы показать на этом примере, что существует граница, кладущая предел самой пространственности, поскольку неумолимо мы находимся одновременно во всех трёх системах координат, хотя и необязательно в равной степени. Иногда мы перестаём, зачастую даже не замечая этого, предпочитать ту или иную дефиницию в контексте наших практических действий. В абсолютистском модусе я буду совершать какое-то действие и приходить к определённым выводам. В релятивном модусе я буду по-разному конструировать свои интерпретации и делать что-то ещё. И если всё будет выглядеть совсем по-другому сквозь реляционные фильтры, тогда я буду вести себя совершенно иначе. То, что мы делаем, как и то, что мы понимаем, полностью зависит от первичной пространственно-временной рамки, в которую мы себя помещаем. Посмотрим, как это работает в отношении того наиболее нагруженного социально-политического понятия, которое мы называем «идентичностью». Всё достаточно ясно в абсолютном времени и пространстве, но ситуация несколько усложняется, когда дело доходит до релятивного времени-пространства и становится совсем уж затруднительной в реляционном мире. Но только в перспективе этой последней рамки мы можем начать схватку со многими аспектами современной политики, поскольку это мир политической субъективности и политического сознания. Дюбуа (Du Bois) много лет назад попытался описать данную ситуацию в терминах того, что он называл «двойное сознание»: он спрашивал, что это значит – нести в себе опыт бытия, будучи одновременно чёрным и американцем? Сегодня мы ещё больше усложняем этот вопрос,

спрашивая, что значит быть американкой, чёрной, женщиной, лесбиянкой и представительницей рабочего класса? Как все эти реляционности входят в политическое сознание субъекта? И когда мы рассматриваем другие измерения – мигрантов, диаспор, туристов, путешественников, тех, кто составляет аудиторию глобальных медиа, фильтрующую или же, наоборот, полностью впитывающую какофонию их сообщений, – то самый важный вопрос, с которым мы сталкиваемся, заключается в понимании того, как весь этот реляционный мир опыта и информации интернализируется в отдельном политическом субъекте (хотя и индивидуализированном в абсолютных пространстве и времени), дабы поддержать ту или иную линию размышления и действия. Ясно, что мы не можем понять подвижную территорию, на которой формируются политические субъективности и происходят политические акции, не мысля происходящее в реляционных терминах.

Если контраст между абсолютной, релятивной и реляционной концепциями пространства – это единственный путь для раскрытия значения пространства как ключевого слова, тогда мы могли бы на этом и остановиться. К счастью, или несчастью, существуют другие и в равной степени убедительные пути рассмотрения данной проблемы. Так, например, в последние годы многие географы указывают на существенное изменение в использовании понятия пространства в материалистических проектах вещественной географии и на расширение использования пространственных метафор в социальной, литературной и культурной теории. Эти метафоры, к тому же, часто использовались для того, чтобы разрушить так называемые метанарративы (такие, например, как марксистская теория) и те дискурсивные стратегии, в которых обычно превалирует временное измерение. Всё это спровоцировало бесконечные споры о роли пространства в социальной, литературной и культурной теориях. Я не намерен вступать в подробную дискуссию о значимости так называемого «пространственного поворота» вообще и о его отношениях с постмодернизмом в частности. Моя собственная позиция по данному вопросу совершенно ясна: конечно, надлежащее рассмотрение пространства и пространства-времени оказывает ключевое воздействие на то, как артикулируются и развиваются теории и концепции. Но оно не является оправданием отказа от каких-либо попыток создания метатеории (конечным результатом чего стало бы возвращение к географии, как она практиковалась в академии в 1950-х гг., в которой, что интересно, счастливым, хотя и невольным образом вызрела заметная часть современной британской географии). Поэтому суть рассмотрения пространства как ключевого слова состоит в том, чтобы определить, как это понятие может быть лучше интегрировано в существующие социальную, литературную и культурную метатеории и с каким эффектом.

Эрнст Кассирер, например, предлагает различать три модуса человеческого опыта пространства: так, он различает органиче-

ское, перцептивное и символическое пространства (Cassirer 1944; а также Harvey 1973, p. 28). В первом понятии объединены все те формы пространственного опыта, которые даны нам биологически (то есть материально и будучи регистрируемыми посредством отдельных характеристик наших чувств). Перцептивное пространство связано со способами, какими мы неврологически обрабатываем физический и биологический опыт пространства и регистрируем его в мире наших мыслей. Символическое пространство является абстрактным (и может вызывать развитие абстрактного символического языка, такого как геометрия или конструирование архитектурных и пикториальных форм). Символическое пространство генерирует различные значения посредством чтения и интерпретации. Здесь на первый план выходит вопрос эстетических практик. В этой области знания Сьюзен Лангер (Langer), со своей стороны, устанавливает различие между «реальным» и «виртуальным» пространством. Последнее, с её точки зрения, равносильно «созданному пространству, выстроенному из форм, цветов и т. д.», – созданному, чтобы производить неуловимые образы и иллюзии, составляющие сердце всех эстетических практик. Архитектура, утверждает она, «является пластическим искусством, и её первым достижением всегда, бессознательно и неизбежно, является иллюзия: нечто исключительно воображаемое или концептуальное, переведённое в визуальное впечатление». То, что существует в реальном пространстве, может быть достаточно легко описано, но для того чтобы понять аффект, который возникает при соприкосновении с произведениями искусства, мы должны исследовать особый мир виртуального пространства. И это, как отмечает Лангер, всегда выталкивает нас в сферу этнического (Langer 1953; также см. Harvey 1973, p. 31). Таковы идеи, с которыми я впервые столкнулся в *Городе и социальной справедливости*.

За пределы этой традиции пространственного мышления выходит Анри Лефевр (который, что почти достоверно известно, опирался на Кассирера), конструирующий своё собственное различие трёх видов пространства: материальное пространство (пространство опыта и переживания, открытого физическому контакту и ощущению); репрезентация пространства (пространство как постигнутое и репрезентированное); пространство репрезентации (пережитое пространство ощущений, воображения, эмоций и значений, инкорпорированное в нашу повседневную жизнь) (Lefebvre 1991 [1974]).

Если я здесь сосредоточиваюсь на Лефевре, то это не потому, что, как многие предполагают в литературной и культурной теории, Лефевр предоставляет нам отправной пункт для мышления о производстве пространства (такое утверждение явно абсурдно), но потому, что я нахожу категории Лефевра более удобными для работы, нежели категории Кассирера. Для нас, людей, материальное пространство является просто-напросто миром тактильных и чувственных взаимодействий с материей; это пространство опыта.

Элементы, моменты и события в таком мире конституированы из материальности определённых качеств. То, как мы репрезентируем мир, это совершенно другой вопрос. Однако и здесь мы не понимаем мир и не репрезентируем его произвольным образом, но стремимся к подобающим – если не точным – размышлениям о материальной реальности, которая окружает нас посредством абстрактных репрезентаций (слов, схем, карт, диаграмм, изображений и т. д.). Но Лефевр, как и Вальтер Беньямин, настаивает на том, что мы не живём подобно материальным атомам, кружащим в материалистическом мире; у нас есть воображение, страхи, эмоции, психологии, фантазии и мечты (Benjamin 1999). Эти пространства репрезентации составляют часть того способа, каким мы живём в мире. Способ, каким это пространство имеет место, мы можем также попытаться репрезентировать эмоционально и аффективно, равно как и материально, переживая его посредством поэтических образов, фотографических композиций, художественных реконструкций. Странная пространственно-временность мечты, фантазии, тайного желания, утраченного воспоминания или даже необычного возбуждения или дрожи от страха, когда мы спускаемся вниз по улице, могут репрезентироваться посредством произведений искусства, которые, в конечном итоге, всегда присутствуют в посястороннем мире в абсолютном пространстве и времени. Лейбниц также находил интересным вопрос о чередующихся пространственно-временных мирах и сновидениях.

Заманчиво – как и в случае первого трехчастного деления пространственных терминов, которое мы разбирали, – рассмотреть три категории Лефевра как организованные иерархически. Однако и здесь кажется более уместным сохранять эти три категории в диалектическом напряжении. Физический и материальный опыт пространственного и временного упорядочения в известной мере опосредован тем способом, каким пространство и время репрезентированы. Океанограф/физик, плывущий по волнам, вероятно, испытывает их иначе, нежели поэт, восхищающийся Уолтом Уитменом, или пианист, любящий Дебюсси. Чтение книги о Патагонии, вероятно, повлияет на характер нашего восприятия этого места во время путешествия туда, даже если мы будем испытывать заметный когнитивный диссонанс между ожиданиями, вызванными печатным словом, и действительными ощущениями, которые мы приобретаем на месте. Пространства и времена репрезентации, которые окутывают и окружают нас в повседневной жизни, оказывают влияние как на наши непосредственные опыты, так и на способ, каким мы интерпретируем и понимаем репрезентации. Мы даже можем не обращать внимания на материальные качества пространственных порядков, инкорпорированных в нашу повседневную жизнь, так как мы твёрдо держимся принимаемой на веру рутины. Тем не менее именно благодаря этой повседневной рутине мы обретаем ощущения (*senses*) того, как пространственные репрезентации работают и постепенно создают определённые про-

странства репрезентации для нас самих (например, элементарное чувство безопасности в знакомом окружении или чувство «бытия дома»). Мы обращаем внимание лишь на то, что обнаруживается вне какого бы то ни было места. С моей точки зрения, то, что действительно имеет значение, так это диалектическое отношение между этими категориями, даже если для целей понимания оказывается полезным выкристаллизовать каждый элемент в качестве отдельного момента в опыте пространства и времени.

Этот способ размышления о пространстве помогает мне интерпретировать произведения искусства и архитектуры. Картина, наподобие «Крика» Мунка, является материальным объектом, но она оказывает своё воздействие из перспективы психического состояния (Лефеврового пространства репрезентации, или пережитого пространства) и посредством конкретного набора репрезентационных кодов (репрезентации пространства, или постигнутого пространства) пытается обрести физическую форму (материальное пространство картины, открытое нашему актуальному физическому опыту), которая говорит нам что-то о том, как Мунк пережил это пространство. Кажется, ему приснился кошмар того сорта, от которого просыпаются с криком. И ему удалось передать что-то от того чувства посредством физического объекта. Многие современные художники, используя мультимедиа и кинетические техники, создают экспериментальные пространства, в которых сочетается несколько модусов опыта пространства-времени. Вот так, например, описывается в каталоге работа Джудит Барри (Judith Barry), выставленная на Третьей берлинской биеннале современного искусства:

«В своих экспериментальных работах видео-художник Джудит Барри исследует использование, конструирование и комплексное взаимодействие приватного и публичного пространств, медиа, общества и полов. Темы её инсталляций и теоретических работ позиционируются в поле наблюдения, которое обращается к исторической памяти, массовым коммуникациям и восприятию. В сфере, располагающейся между воображением наблюдателя и сгенерированной современными медиа архитектурой, она создаёт воображаемые пространства, отчуждённые изображения профанной реальности... В работе “Закадровый голос” (*Voice Off*) ... зритель прорывает клаустрофобную тесноту выставочного пространства, продвигается вглубь работы и, будучи вынужденным двигаться сквозь инсталляцию, получает не только кинематографические, но и киноэстетические (*cinemaesthetic*) впечатления. Разделённое проекционное пространство предоставляет возможность установления контакта с различными голосами. Использование и восприятие голосов в качестве движущей силы, а также интенсивность психического напряжения (особенно на мужской стороне проекции) передают внутреннюю силу этого неосознаваемого и эфемерного объекта. Голоса демонстрируют зрителям, как можно измениться благодаря им, как мы пытаемся контролировать их, а также потерю, которую мы ощущаем, когда больше их не слышим».

Барри, делается заключение в каталоге,

«инсценирует эстетические пространства перехода, сохраняющие напряжение между соблазном и рефлексией» (*Третья берлинская биеннале современного искусства 2004*, с. 48–49).

Но чтобы окончательно разобраться с этим описанием работы Барри, мы должны вывести понятия пространства и пространства-времени на новый уровень сложности. Многое в данном описании избегает Лефевровых категорий, но возвращает нас к новому рассмотрению различий между абсолютным временем и пространством (ограниченная физическая структура выставки), релятивным пространством-временем (последовательное движение зрителя через пространство) и реляционным пространством-временем (воспоминания, голоса, психическое напряжение, неуловимость и эфемерность, а также клаустрофобия). Однако мы не можем отказаться и от Лефевровых категорий. Сконструированные пространства обладают материальным, концептуальным и переживаемым измерениями.

Поэтому я предлагаю осуществить спекулятивный скачок, в котором мы позиционируем тройное разделение абсолютного, релятивного и реляционного пространства-времени на фоне тричного различия испытанного (*experienced*), концептуализированного и пережитого (*lived*) пространства, предложенного Лефевром. Результат этого скачка: матрица «три-на-три», в которой пункты пересечения репрезентируют различные модальности понимания значений пространства и пространства-времени. Можно возразить, что я ограничиваю здесь возможности, поскольку матричный способ репрезентации ограничивается абсолютным пространством. Это абсолютно справедливое возражение. И поскольку я здесь оказываюсь вовлечён в практики репрезентации (концептуализации), я не могу отдать должное как опытной, так и переживаемой сферам пространственности. Поэтому, по определению, матрица, которую я предлагаю, а также способ её применения обладают ограниченными экспликативными возможностями. Но, при всех этих оговорках, я нахожу полезным рассмотреть комбинации, возникающие в различных точках пересечения внутри матрицы. Положительная сторона репрезентации в абсолютном пространстве заключается в том, что она позволяет с высокой степенью ясности индивидуализировать феномены. И если задействовать немного воображения, возможно мыслить элементы внутри матрицы диалектически, то есть так, чтобы каждый момент воображался как внутреннее отношение всех прочих. Я проиллюстрирую то, что я имею в виду (в несколько сжатой, произвольной и схематической форме), в нижеприводимых таблицах. Текст в ячейках скорее суггестивный, нежели дескриптивный (читатели могут позабавиться составлением своих собственных текстов, для того чтобы почувствовать, что я имею в виду).

Матрица возможных значений пространства как ключевого слова

	Материальное пространство (испытанное пространство)	Репрезентации пространства (концептуализированное пространство)	Пространства репрезентации (пережитое пространство)
Абсолютное пространство	Стены, мосты, двери, лестницы, настилы, потолки; улицы, здания, города; горы, континенты, водные массы; территориальные метки, физические границы и барьеры, замкнутые общины	Кадастровые и административные карты; евклидова геометрия; описание ландшафта; метафоры уединения, открытое пространство, местожительство, расположение и позициональность; (Управлять и контролировать относительно легко.) Ньютон и Декарт	Чувство удовлетворённости, связанное с пребыванием дома; чувство безопасности или защищённости; чувство власти от обладания и управления пространством, контроля над ним; страх перед другими, которые находятся там, «за забором»
Релятивное пространство (время)	Циркуляция и потоки энергии, воды, воздуха, товаров, людей, информации, денег, капитала; увеличение и сокращение несогласованности дистанции	Тематические и топологические карты (например, схема лондонского метро); неевклидовы геометрии и топология; рисунки, включающие в себя перспективу рисовальщика; метафоры ситуативных знаний, движения, мобильности, перемещения, ускорения, пространственно-временные сжатия и расширения (Управление и контроль затруднены, нуждаются в сложных техниках.) Эйнштейн и Риман	Опасение, что мы опоздаем на лекцию; трепет от вхождения в незнакомую область; нервный срыв при нахождении в автомобильной «пробке»; усиление или ослабление сжатия пространства-времени, скорости, движения

Реляционное пространство (время)	Потоки и поля электромагнитной энергии; социальные отношения; сдаваемые в аренду и хозяйственные площади; концентрации загрязнений; запачы энергии; звуки и запахи, доносимые ветром	Сюрреализм, экзистенциализм, психогеографии, киберпространство, метафоры интернализации сил и могуществ (Управление и контроль крайне сложны – теория хаоса, диалектики, внутренние отношения, квантовые математики.) Лейбниц, Уайтхед, Делёз, Беньямин	Видения, фантазии, желания, фрустрации, воспоминания, мечты, фантазмы, психические состояния (например, агорафобия, головокружение, клаустрофобия)
----------------------------------	--	---	--

Пространственно-временная матрица марксистской теории

	Материальное пространство (испытанное пространство)	Репрезентации пространства (концептуализированное пространство)	Пространства репрезентации (пережитое пространство)
Абсолютное пространство	Полезные товары, конкретные рабочие процессы, банкноты и монеты (локальные деньги?); частная собственность/государственные границы, фиксированный капитал, заводы, архитектурное пространство; пространства потребления, линии ограждения, захваченные пространства (сидячие забастовки); штурм Бастилии или Зимнего дворца...	Потребительские стоимости и эксплуатация в рабочих процессах конкретных рабочих (Маркс) <i>vs</i> работа как творческая игра (Фурье); карты частной собственности и классовых исключений; мозаики неравномерного географического развития	Отчуждение <i>vs</i> творческое удовлетворение; изолированный индивидуализм <i>vs</i> социальная солидарность; лояльность месту, классу, идентичности и т. д.; относительная депривация; несправедливость; дефицит чувства собственного достоинства; раздражение <i>vs</i> удовлетворённость

Релятивное пространство (время)	Рыночный обмен; торговля; циркуляция и потоки товаров, энергии, рабочей силы, денег, кредита или капитала; поездки и миграция; обесценивание и деградация; информационные потоки и агитация извне	Меновая стоимость (стоимость в движении); схемы накопления; товарные цепочки; модели миграции и диаспоры; модели «инвестиция–продукция», теории пространственно-временных «положений», уничтожение пространства временем; циркуляция капитала через архитектурные среды; формирование мирового рынка, инфраструктуры; геополитические отношения и революционные стратегии	Деньги и товарный фетиш (постоянно неудовлетворённое желание); страх/возбуждение в пространственно-временной компрессии; нестабильность; небезопасность; интенсивность действия и мотивации vs покой; «всё, что является твёрдым, растворяется в воздухе...»
Реляционное пространство (время)	Абстрактный рабочий процесс; фиктивный капитал; движения сопротивления; внезапные манифестации и экспрессивные вспышки политических движений (антивоинные выступления, события 1968 года, Сизэтл...); «революционный дух пробуждается»	Денежная стоимость; стоимость как социальное необходимое рабочее время; как застывший человеческий труд по отношению к мировому рынку; законы стоимости в движении и социальная сила денег (глобализация); революционные надежды и опасения; стратегии перемены	Стоимость; капиталистическая гегемония («не существует альтернатив»); пролетарское сознание; международная солидарность; универсальные права; утопические мечты; массы; соперничество друг с другом; «возможен другой мир»

Я думаю, что было бы лучше читать данную матрицу категорий по вертикали или по горизонтали, воображая себе комплексные сценарии комбинаций. Представьте себе, например, абсолютное пространство богатой изолированной общины на побережье Нью-Джерси. Некоторые жители ежедневно посещают релятивное пространство финансового района Манхэттена, где они приводят в движение кредиты и инвестиционные средства, которые влияют на социальную жизнь по всему миру, обретая в итоге огромную финансовую власть. Эта власть позволяет им импортировать назад в абсолютное пространство своей изолированной общины энергию, экзотическую еду и удивительные товары, необходимые для того, чтобы обеспечить себе привилегированный стиль жизни. Однако

жители ощущают смутную угрозу, поскольку чувствуют, что существует примитивная, неопределимая и нелокализуемая ненависть ко всему американскому, возникающая где-то там в мире, имя которой «терроризм». Они поддерживают правительство, которое обещает защитить их от этой туманной угрозы. Но они становятся всё более параноидными в отношении враждебности, которую ощущают в отношении себя в мире, и прилагают всё больше усилий, чтобы построить своё абсолютное пространство, которое, как им кажется, смогло бы их защитить. Они строят всё более высокие стены и даже нанимают вооружённую охрану, чтобы защитить границы. Между тем расточительное потребление энергии, приводящей в движение бронетранспортёры, которые каждый день везут их в город, оказывается соломинкой, перешибающей хребет глобальному изменению климата. Схемы циркуляции атмосферы драматически меняются. Затем – как в неподражаемом, однако, неточном популярном изображении теории хаоса – бабочка взмахивает крыльями в Гонконге, и опустошительный ураган наносит удар по побережью Нью-Джерси, стирая с лица земли изолированную общину. Многие жители умирают как раз потому, что, панически боясь внешнего мира, игнорировали призывы к эвакуации. Если бы это был голливудский фильм, то одинокий учёный распознал бы опасность и спас женщину, которую любит, но которая до этого момента его игнорировала. Теперь же она влюбляется в него, исполненная чувства благодарности...

Рассказывая подобные простые истории, невозможно ограничиться лишь одной модальностью пространственного или пространственно-временного мышления. Действия, предпринятые в абсолютном пространстве, становятся осмысленными только в реляционных терминах. Поэтому ещё более интересной является ситуация, когда отдельные моменты, зафиксированные в матрице, находятся в более явном диалектическом напряжении. Позвольте проиллюстрировать.

Какие пространственные и пространственно-временные принципы должны быть использованы при перестройке такого места, как Граунд Зеро в Манхэттене? Это абсолютное пространство, которое должно быть материально реконструировано, и для этой цели необходимо произвести инженерные расчёты (основанные на механике Ньютона) и разработать архитектурные проекты. Ведётся множество дискуссий на тему подпорных стен и грузоподъёмности территории. Не теряют важности и эстетические суждения (Кант одобрил бы) о том, как пространство, однажды превращённое в материальный артефакт определённого рода, может переживаться, концептуализироваться и восприниматься. Проблемой является также и то, как организовать физическое пространство, чтобы оно производило эмоциональный эффект, приводя в соответствие определённые ожидания (коммерческие, а также аффективные и эстетические) касательно того, как это пространство может быть пережито. Однажды сконструированный

опыт пространства может быть опосредован репрезентационными формами (такими, как путеводитель и планы), которые помогают нам интерпретировать подразумевавшийся смысл реконструированного места. Но диалектическое перемещение через измерение одного только абсолютного пространства является менее эффективным, нежели инсайты, возникающие из обращения к другим пространственно-временным рамкам. Капиталистические застройщики хорошо осведомлены о релятивном расположении этого места и оценивают свои шансы на коммерческий эффект в соответствии с логикой рыночных отношений. Важными характеристиками выступают здесь центральность этого места и соседство с командными и контрольными функциями Уолл Стрит. И если в ходе реконструкции транспортная доступность может быть улучшена, то этих улучшений следует добиваться по максимуму, что только повысит стоимость земли и собственности. Для застройщиков место не просто существует в релятивном пространстве-времени: реинжиниринг этого места предоставляет возможность такой трансформации релятивного пространства-времени, в результате которой возросла бы коммерческая стоимость абсолютного пространства (например, посредством улучшения доступа к аэропорту). Временной горизонт был бы подчинён соображениям, ориентирующимся на темпы амортизации или показатель «интерес/дисконт» применительно к фиксированному инвестированию в застройку.

Но почти наверняка будет много протестов – инициируемых родственниками тех, кто погиб в этом месте, – против мышления и строительства в этой абсолютной или релятивной пространственно-временной системе координат. Что бы ни построить на этом месте, это должно нечто говорить об истории и памяти. Вероятно, необходимо будет сказать что-нибудь о значении сообщества и нации, равно как и о будущих возможностях (быть может, даже о перспективах вечной истины). Да и не может это место игнорировать вопрос реляционно-пространственной связи с остальным миром. Даже капиталистические застройщики не стали бы возражать против сочетания своих приземлённых коммерческих интересов с воодушевляющими символическими высказываниями (подчёркивающими мощь и нерушимость политико-экономической системы глобального капитализма, получившего такой удар 9 сентября), воздвигая, вернее, возвышая фаллический символ, отчётливо прочитываемый как вызов. Они также добиваются экспрессивной мощи в реляционном пространстве-времени. Но необходимо исследовать все формы реляционностей. Что мы узнаем о тех, кто атаковал нас, и как далеко мы зайдём в своём знании? Это место присутствует реляционно и будет присутствовать в мире независимо от того, что там построено. И важно поразмыслить над тем, как работает это присутствие: будет ли оно переживаться как символ американского высокомерия или символ глобального сочувствия и сострадания? Обсуждение подобных «материй» тре-

бует, чтобы мы принимали реляционную концепцию пространства-времени.

Если, как считал Беньямин, история (релятивное временное понятие) не то же самое, что память (реляционное временное понятие), тогда у нас есть выбор: либо историзировать события 9/11, либо попытаться их мемуаризировать. Если место всего лишь историзировано в релятивном пространстве (посредством определённого рода монументальности), то это навязывает пространству фиксированный нарратив. В результате окажутся исключёнными будущие возможности и интерпретации. Подобная изоляция (*closure*) приведёт к ограничению генеративной мощи, необходимой для формирования иного будущего. С другой стороны, память, согласно Беньямину, – это потенциальность, способная иногда удержимо «вспыхивать» во время кризиса, чтобы показать новые возможности (Benjamin 1968). Это способ, каким место может переживаться теми, кто наталкивается на него, становясь затем непредсказуемым и неопределённым. Коллективная память – диффузное, но тем не менее влиятельное чувство, пропитывающее собой многие урбанистические сцены; она способна играть важную роль в оживлении политических и социальных движений. Граунд Зеро не может быть чем-то другим, кроме как местом коллективной памяти. И задача дизайнеров перевести это диффузное чувство в абсолютное пространство кирпичей, цементного раствора, стали и стекла. И если, как однажды сформулировал Бальзак, «надежда – это память, которая испытывает желания», то создание «пространства надежды» на том месте требует, чтобы была интернализована память в то самое время, как будут открыты пути для выражения желания (Harvey 2003, ch. 1).

Экспрессивная реляционность Граунд Зеро сама по себе ставит захватывающие вопросы. Силы, которые сошлись в пространстве, чтобы произвести событие под названием 9/11, были комплексными. Но как тогда описать эти силы? Можно ли нечто, пережитое как локальная и личная трагедия, согласовать с идеей (*understanding*) международных сил, которые были столь мощно сконцентрированы в течение нескольких разрушительных мгновений в конкретном месте? Сможем ли мы ощутить в этом месте распространившуюся по всему миру неприязнь к тому, как в 1980–90-е гг. повсюду эгоистически утверждалась американская гегемония? Узнаем ли мы, что администрация Рейгана сыграла ключевую роль в создании и поддержке движения «Талибан» в Афганистане, чтобы подорвать советскую оккупацию, и что Осам Бен Ладен превратился из союзника США во врага из-за американской поддержки коррупционного режима в Саудовской Аравии? Или мы узнаем лишь о трусливых, чужеземных и злонамеренных «других», которые ненавидят США, поскольку они символизируют ценности свободы и независимости? При должном усердии можно вытащить на свет божий реляционную пространственно-временность события и места. Но способ репрезентации и мате-

риализации остается неопределённым. Результат, очевидно, будет зависеть от политической борьбы. И самые ожесточенные битвы развернутся вокруг того, какое реляционное пространство-время создаст перестройка места. Это были те вопросы, с которыми я столкнулся, когда попытался проинтерпретировать значение базилики Сакре-Кёр в Париже на фоне исторической памяти о Парижской Коммуне.

Это приводит меня к некоторым наблюдениям на тему политики аргумента. Сквозь различные способы, какими пространство и пространство-время используются в качестве ключевых слов, мышление помогает определить некоторые предпосылки деятельности критика. Оно предоставляет возможности для идентификации противоречивых претензий и альтернативных политических возможностей. Оно склоняет нас к тому, чтобы рассмотреть способы, какими мы физически формируем нашу окружающую среду, и способы, какими мы репрезентируем её и живём в ней. Я думаю, что будет справедливым сказать, что марксистскую традицию не слишком-то беспокоили такие вопросы, и её общая неудача (хотя, конечно, существует множество исключений) чаще всего подразумевала утрату возможностей для некоторых видов трансформативной политики. Если, например, искусству социалистического реализма не удавалось пленить воображение и если его монументальность, достигнутая при коммунистических режимах прошлого, не воодушевляла, если спланированные общины и коммунистические города часто казались мёртвыми остальному миру, то один из путей для критического анализа этой проблемы состоял бы в том, чтобы обратить внимание на модусы мышления о пространстве и пространстве-времени, а также на то, что в практиках социалистического планирования они, по всей видимости, играли лишь роль ограничения и предела.

В марксистской традиции не велось сколько-нибудь явного обсуждения этих вопросов. Хотя сам Маркс является реляционным мыслителем. Во время революционных ситуаций, подобных ситуации 1848 года, Маркс волновался, что прошлое, подобно кошмару, может отягощать сознание живущих, и напрямую ставил вопрос о том, как революционная поэтика будущего может быть сконструирована тогда и там (Marx 1963). В то время он также умолял Этьена Кабе не брать с собой в Новый свет своих коммунистически настроенных последователей. Там, полагал Маркс, сторонники его социальной теории могли бы только усвоить установки и взгляды, сформированные в опыте старого. Будет лучше, советовал Маркс, если они останутся в качестве хороших коммунистов в Европе и добьются революционных трансформаций в этом пространстве, даже если существует опасность, что революция, устроенная «в нашем уголке мира», падёт жертвой глобальных сил, расположившихся вокруг него (цит. по: Marin 1984).

Ленин, откровенно испытывающий страдания от идеалистического способа презентации у Маха, пытается укрепить абсолютист-

ский и механистический взгляд на пространство и время, ассоциирующийся с концепцией Ньютона как единственно подходящей материалистической основой для научной постановки вопроса. Он занят этим в то самое время, когда Эйнштейн успешно развивает релятивное, но столь же материалистическое представление о пространстве-времени. Жёсткая линия Ленина была до известной степени смягчена обращением Лукача к более гибкому взгляду на историю и темпоральность. Но конструктивистский взгляд Лукача на отношение к природе был энергично отвергнут Виттфогелевым утверждением жёсткого материализма, трансформировавшегося в детерминистское понимание окружающей среды. С другой стороны, в работах Томпсона, Уильямса и других авторов мы находим различные уровни понимания, в частности, темпорального измерения, хотя пространство и место присутствуют повсюду. В новелле Раймонда Уильямса *Люди Чёрных гор* (*People of the Black Mountains*) реляционность пространства-времени играет важную роль. Уильямс использует её для того, чтобы воедино связать нарратив и непосредственно подчеркнуть различные способы знания, возникающие вместе с различными ощущениями пространства-времени:

«Если серьёзно относиться к жизням и местам, сильная привязанность к местам и жизням будет совершенно необходима. Модель полистирола и её текстуальные и теоретические эквиваленты оставались отличными от субстанции, которую они реконструировали и симулировали ... На его картах и на его книгах из библиотеки или же в его доме в долине можно обнаружить отпечатки всеобщей истории, которая может стать доступной любому представителю сообщества, опирающегося на очевидность и рациональное исследование. Однако стоило ему только забраться в горы, как он обнаруживал другой взгляд, другой способ мышления; неизбежно местное и локальное, однако простирающееся до широкого всеобщего потока, где прикосновение и дыхание приходят на смену констатации и анализу; не история как нарратив, а рассказы как жизни» (Williams 1989, p. 10–12).

Для Уильямса реляционность возрождается во время прогулок по горам. Она помещает в центр совсем другие ощущения и чувства, нежели сконструированные из архивных элементов. Интересно, что только в романах Уильямс способен обратиться к этой проблеме. В рамках марксистской традиции, за исключением Лефевра и географов, отсутствует масштабное понимание проблематики пространства и времени. Так как же эти взгляды на пространство и пространство-время всё глубже интегрируются в наше чтение, интерпретацию и применение марксистской теории? Пожалуйста мне отложить в сторону все предостережения и нюансы, дабы изложить свою аргументацию в наиболее сильных понятиях.

В первой главе *Капитала* Маркс вводит три ключевых понятия – потребительской стоимости, меновой стоимости и стоимости. Всё, что относится к потребительской стоимости, находится в компетенции абсолютных пространства и времени. Ин-

дивидуальные рабочие, машины, товары, фабрики, дороги, дома, актуальные рабочие процессы, потребление энергии и всё тому подобное может быть индивидуализировано, описано и понято в ньютоновской системе координат абсолютных пространства и времени. Всё, что связано с меновой стоимостью, располагается в релятивном пространстве-времени, так как обмен предполагает движение товаров, денег, капитала, рабочей силы и людей во времени и пространстве. Именно циркуляция, постоянное движение имеют значение. Поэтому обмен, как отмечает Маркс, прорывается сквозь все барьеры пространства и времени (Marx 1976, p. 209) и постоянно меняет систему координат нашей повседневной жизни. С появлением денег этот «прорыв» очерчивает ещё более масштабный и текучий универсум отношений обмена, охватывающий собой релятивное пространство-время глобального рынка (понимаемого не в качестве вещи, а как непрерывное движение и интеракции). Циркуляция и накопление капитала совершаются в релятивном пространстве-времени. Но стоимость представляет собой реляционное понятие. Поэтому её референт – реляционное пространство-время. Ценность, констатирует Маркс (что весьма поразительно), нематериальна, но объективна. «В объективности обладающего стоимостью товара нет ни одного атома материи». Как следствие, стоимость не «шестьует с этикеткой, описывающей, что она собой представляет», но скрывает свою реляционность в фетишизме товаров (Marx 1976, p. 167). Единственный путь к пониманию того, чем является стоимость, ведёт через тот специфический мир, в котором между людьми установлены материальные отношения (мы относимся друг к другу посредством того, что производим и чем торгуем), а между вещами – социальные отношения (цены установлены для того, что мы производим и чем торгуем). Короче говоря, стоимость – это социальное отношение. Как таковую, её невозможно измерить иначе, как только посредством её эффектов (попытайтесь напрямую измерить любое социальное отношение, и вы непременно потерпите неудачу). Стоимость включает в себя целую историческую географию бесчисленных рабочих процессов, запущенных в условиях или ввиду накопления капитала в пространстве-времени мирового рынка. Многие удивляются, обнаружив, что наиболее фундаментальным понятием Маркса является «нематериальный, но объективный». Ведь обычно Маркса изображают материалистом, для которого что бы то ни было нематериальное заслуживает проклятия. Мимоходом замечу, что реляционная дефиниция стоимости делает проблематичными, если вообще уместными, любые попытки непосредственного и эссенциалистского измерения стоимости. Социальные отношения могут быть измерены только посредством производимых ими эффектов.

Если моя характеристика категорий Маркса корректна, то она показывает, что ни одна пространственно-временная рамка не имеет приоритета. Три пространственно-временные рамки должны находиться в диалектическом напряжении друг с другом

точно так же, как потребительская стоимость, меновая стоимость и стоимость диалектически переплетены в марксистской теории. Так, например, не было бы никакой стоимости в реляционном пространстве-времени без конкретных работ, организованных в бесчётных местах в абсолютных пространствах и временах. Равно как не смогла бы стоимость фигурировать в качестве нематериальной, однако, объективной силы без бесчисленных актов обмена, непрерывных процессов циркуляции, связывающих во-едино глобальный рынок в релятивном пространстве-времени. Тем самым стоимость представляет собой социальное отношение, которое включает в себя целую историю и географию конкретных производственных сил, присутствующих на мировом рынке. Это выражает социальные (в первую очередь – однако не исключительно – классовые) отношения капитализма, выстроенные на мировой сцене. Крайне важно отметить присутствующую здесь темпоральность. И не только ввиду того значения, которое имеет «мёртвый» труд прошлого (*past 'dead' labour*) (твёрдый капитал, включающий в себя всё то, что воплощено в окружающей нас застройке), но и по причине всех тех следов истории пролетаризации, первичного накопления, технологического развития, которые интегрированы в форму стоимости. Прежде всего, нам следует осознать «исторические и моральные элементы», которые всегда входят в определение стоимости рабочей силы (Marx 1976, p. 275). Тогда мы сможем в деталях рассмотреть, как работает теория Маркса. Прядильщик внедряет стоимость (т. е. абстрактную работу как реляционную детерминацию) в ткань, выполняя конкретную работу в абсолютных пространстве и времени. Объективная сила отношения стоимости регистрируется тогда, когда прядильщик оказывается вынужден прекратить производство ткани и фабрика останавливается, поскольку ситуация на мировом рынке складывается так, что этот вид деятельности в этих конкретных абсолютных пространстве и времени теряет всякую ценность. Хотя всё это кажется очевидным, отрицание взаимодействия, возникающего между различными пространственно-временными рамками в марксистской теории, зачастую оказывается причиной понятийной путаницы. Например, многие дискуссии о так называемых «глобально-локальных отношениях» превратились в понятийную путаницу по причине неспособности уяснить, что обсуждаются различные пространственно-временности. Мы не можем сказать, что отношения стоимости служат причиной закрытия фабрики, словно они представляют собой некую внешнюю абстрактную силу. Это изменение конкретных условий работы в Китае, опосредованное процессами обмена в релятивном пространстве-времени, трансформирует стоимость как социальное отношение в такой степени, что это приводит к закрытию конкретных производств в Мексике.

До сих пор я сосредоточивал внимание в основном на диалектическом прочтении теории Маркса, двигаясь сверху вниз по левой

колонке нашей матрицы. Что же произойдёт, если я начну читать матрицу по горизонтали? Материальность потребительской стоимости и конкретной работы вполне очевидна. Но как репрезентировать и понять эту материальность? Легко осуществить физическое описание, но Маркс настаивает, что также важны социальные отношения, в рамках которых выполняется работа. В условиях капитализма наёмный рабочий концептуализируется (см. второй столбец соотв. таблицы) как производитель прибавочной стоимости для капиталиста, которая и репрезентируется как отношение эксплуатации. Это подразумевает, что рабочий процесс переживается (см. третий столбец) как отчуждение. При других социальных отношениях (например, при социализме) работа может переживаться как творческое удовлетворение и концептуализироваться как самореализация посредством коллективных усилий. Нет нужды даже претерпевать материальные изменения, чтобы быть реконцептуализированной и пережитой совершенно иначе. В конце концов, на это рассчитывал Ленин, когда он выступал за адаптацию фордизма на советских фабриках. Фурье же считал, что работа должна быть чуть ли не игрой и выражением желания и переживаться как возвышенное удовольствие, и для этого необходимо радикально реконструировать материальные характеристики рабочего процесса. Здесь мы должны признать существование множества конкурирующих возможностей. Так, например, в книге *Производя согласие (Manufacturing Consent)* Буравой утверждает, что на заводах, которые он изучал, рабочие вообще не переживают работу как отчуждение (Burawoy 1982). Это произошло потому, что они подавили идею эксплуатации, превратив рабочее место в место для ролевых и состязательных игр (в стиле Фурье). Работники участвовали в рабочем процессе таким образом, что это позволяло переживать его без отчуждения. В этом есть определённые выгоды и для капитала, поскольку рабочие, не испытывающие отчуждения, трудятся более эффективно. Поэтому капиталисты предпринимают различными мерами, такие как организация ритмической гимнастики, кружков качества (*quality circles*) и т. п., чтобы уменьшить отчуждение и сделать акцент на инкорпорации. Они также производят альтернативные концептуализации, которые акцентируют внимание на поощрениях за тяжёлый труд, и производят идеологии, задача которых состоит в том, чтобы опровергать теорию эксплуатации. Поэтому хотя марксистская теория эксплуатации может быть формально верной, она не всегда и не с необходимостью воплощается в отчуждении и политическом сопротивлении. Многое зависит от того, как она концептуализируется. Последствия же для политического сознания и действий рабочего класса весьма значительны. Поэтому часть классовой борьбы направлена на выявление изначального смысла эксплуатации как должную концептуализацию того, каким образом выполняются конкретные работы при капиталистических социальных отношениях. И снова то, что действительно имеет значение, – это диалектическое напряжение между

материальным, понятным и пережитым. Если же мы будем рассматривать данные напряжения механически, тогда мы пропали.

Хотя проработка темы таким методом представляется полезной, выше я утверждал, что «матричное мышление» ограничивает возможности, если мы не готовы свободно и диалектически охватить мыслью все элементы матрицы одновременно. Позвольте пример. Первичный способ репрезентации стоимости – деньги, которые также выступают нематериальным понятием с объективной силой, но они должны принимать и материальную форму в качестве актуальной потребительской стоимости. Поначалу это происходит в результате появления денежного товара (например, золота). Но денежный товар возникает благодаря актам обмена в релятивном пространстве-времени, и именно это позволяет осязаемым денежным формам стать активным фактором в абсолютных пространстве и времени. Это создаёт парадокс, который заключается в том, что партикулярная материальная потребительская стоимость (такая, как золото или долларовая банкнота) должна репрезентировать универсальность стоимости, универсальность абстрактной работы. Кроме того, это подразумевает, что социальная власть может быть присвоена частными персонами, и из этого проистекает сама возможность денег как капитала, циркулирующего в релятивном пространстве-времени. Как отмечает Маркс, существует множество антиномий, антитезисов и противоречий касательно того, как возникли деньги, как они концептуализируются, циркулируют и используются в качестве осязаемых средств обращения, с одной стороны, и в качестве репрезентации стоимости на мировом рынке – с другой. Именно потому, что стоимость нематериальна и объективна, деньги всегда сочетают фиктивные качества с осязаемыми формами. Это зависит от того радикального изменения, которое Маркс описал в рамках анализа фетишизма товаров: когда материальные отношения возникают между людьми, а социальные отношения регистрируются между вещами. Деньги как объект желания и как объект невротического ожидания запирают нас в фетишизме, в то время как внутренние противоречия денежной формы неизбежно приводят не только к возможности, но и к неизбежности капиталистических кризисов. Нас часто сопровождает беспокойство по поводу денег, которое имеет собственные пространственно-временные локализации (истощённый ребёнок, замерший перед ослепительной роскошью вечно недостижимых капиталистических товаров в витрине магазина). Спектакли потребления, замусорившие ландшафт в абсолютных пространстве и времени, способны порождать чувства относительной депривации. На каждом шагу нас окружают манифестации фетишистского стремления к силе денег как репрезентации стоимости на мировом рынке.

Для тех, кто незнаком с теорией Маркса, всё это, безусловно, может показаться мистическим. Как бы то ни было, нашей задачей было показать, как теоретическая работа (а я полагаю, это справедливо для всех социальных, литературных и культурных

теорий) неизменно и неизбежно влечёт за собой, как минимум, диалектическое движение через все пункты матрицы, а затем и за её пределы. Чем дальше мы продвигаемся, тем больше глубина и охват нашего понимания. В этой системе нет изолированных и замкнутых ячеек. Диалектические напряжения не должны оставаться неприкосновенными. Они должны постоянно расширяться.

Тем не менее я закончу несколькими предостерегающими ремарками. В последние годы многие учёные, включая географов, восприняли реляционные понятия и способы мышления (хотя и без явного почтения к понятию пространства-времени). Эти перемены – сколь важные, столь и похвальные – до известной степени ассоциируются с культурным и постмодернистским поворотом. Но точно так же, как традиционалистская и позитивистская география ограничивала своё видение, концентрируясь исключительно на абсолютных и релятивных, а также на материальных и понятийных аспектах пространства-времени (игнорируя переживаемые и реляционные), так и теперь существует серьёзная опасность сосредоточиться исключительно на реляционном и переживаемом, как будто абсолютное и материальное не имеет значения. Пребывание исключительно в правом нижнем углу матрицы может быть столь же обманчивым, ограничивающим и оупляющим, как и ограничение нашего внимания верхним левым углом. Единственная стратегия, которая и в самом деле работает, состоит в том, чтобы сохранять напряжения, двигаясь диалектически через все пункты матрицы. Это то, что позволит нам лучше понять, как реляционные значения (такие, как стоимость) интернализируются в материальные вещи, события и практики (такие, как конкретные рабочие процессы), конструируемые в абсолютных пространстве и времени. Мы можем – если взять другой пример – до бесконечности обсуждать все виды идей и проектов, выражающих реляционность Граунд Зеро, но однажды что-то должно материализоваться в абсолютных пространстве и времени. Будучи однажды построенным, место приобретает «перманентность» (*'permanence'*) (термин Уайтхеда) физической формы. И хотя оно всегда открыто для реконцептуализации значения этой физической формы, так что люди могут научиться переживать его по-разному, лишь материальность конструкции в абсолютных пространстве и времени имеет свой собственный вес и влияние. К тому же политические движения, которые стремятся к некоторому влиянию в мире, остаются неэффективными, пока они не заявят претензию на материальное присутствие. Это, конечно, замечательно: создать такие понятия, как движение пролетариата или восстание масс. Но никто не знает, что всё это означает до тех пор, пока настоящие тела не окажутся в абсолютных пространствах улиц Сиэтла, Квебека и Генуи в конкретные моменты абсолютного времени. Права ничего не значат, как проницательно замечает Дон Митчелл, без возможности конкретизировать их в абсолютных пространстве и времени:

«Если правом для города является право на крик и требование, то крик, который слышат, и требование, которое имеет силу, существуют лишь постольку, поскольку имеет место абсолютное пространство, из которого и в котором этот крик и это требование воспринимаемы. В публичном пространстве – на углу улицы или в парке, на улицах во время беспорядков или демонстраций – политические организации могут репрезентировать себя более широкой аудитории и посредством этой репрезентации придать своим призывам и требованиям больше силы. Претендуя на публичное пространство, создавая свои публичные пространства, социальные группы сами становятся публичными».

Публичное пространство, на чём совершенно справедливо настаивает Митчелл (Mitchell 2003, p. 129–135), «является материальным», и оно «конституирует актуальное местоположение, место, участок, в которых и из которых течёт политическая активность». Политика оживает лишь тогда, когда реляционность соединяется с абсолютными пространствами и абсолютным временем социальной и материальной жизни. Игнорировать эту связь означает столкнуться с политической иррелевантностью.

Понимание того, как пространство существует и как работают различные пространственности и пространство-временности, имеет решающее значение для конструирования специфически географического воображения. Но пространство оказывается чрезвычайно сложным ключевым словом. Оно функционирует как составное слово и имеет множество детерминаций, так что ни одно из его партикулярных значений не может быть понято должным образом, будучи изолированным от всех прочих. Но именно это и делает понятие пространства столь богатым возможностями, особенно, если соединить его с понятием времени.

Библиография

- Benjamin W. (1968) *Illuminations*, New York: Schocken.
- Benjamin W. (1999) *The Arcades Project*, ed. by H. Eiland, K. McLaughlin. Cambridge, MA: Belknap Press.
- Burawoy M. (1982) *Manufacturing Consent: Changes in the Labor Process under Monopoly Capitalism*, Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Cassirer E. (1944) *An Essay On Man*, New Haven, CT: Yale University Press.
- Deleuze G. (1993) *The Fold: Leibniz and the Baroque*, Minneapolis, MI: Minnesota University Press.
- Fitzgerald J. (1979) *Alfred North Whitehead's Early Philosophy of Space and Time*, New York: Roman and Littlefield.
- Harvey D. (1973) *Social Justice and the City*, London: Edward Arnold and Baltimore.
- Harvey D. (1979) *Monument and Myth*. *Annals of the Association of American Geographers*, 3/69, pp. 361–381.
- Harvey D. (1996) *Justice, Nature and the Geography of Difference*, Oxford: Blackwell.
- Harvey D. (2003) *Paris, Capital of Modernity*, New York: Routledge.
- Langer S. (1953) *Feeling and Form: A Theory of Art*, New York: Prentice Hill.

- Lefebvre H. (1991 [1974]) *The Production of Space*, Oxford: Blackwell.
- Marin L. (1984) *Utopics: A Spatial Play*, Atlantic Heights, NJ: Humanities Press.
- Marx K. (1963) *The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte*, New York: International Publishers.
- Marx K. (1976) *Capital*, vol. 1, New York: Viking Press.
- Mitchell D. (2003) *The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space*, New York: Guilford Press, pp. 129–135.
- Osserman R. (1995) *The Poetry of the Universe*, New York: Doubleday.
- Third Berlin Biennale for Contemporary Art Catalogue (2004) *Judith Barry, Voice Off*, Berlin: Biennale, pp. 48–49.
- Williams R. (1985 [1976]) *Keywords: A Vocabulary of Culture and Society* (rev. ed.). Oxford: Oxford University Press.
- Williams R. (1989) *People of the Black Mountains: The Beginnings*, London: Chato & Windus 1989, pp. 10–12.

Перевод с английского
Алексея Овчинникова
под редакцией Ильи Инишева

Перевод сделан по: Harvey D. *Space as a Key Word*. In: N. Castree, D. Gregory (eds.) *David Harvey: A Critical Reader*. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. P. 270–263.